

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. В. ИЗМАЙЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «МИРСКАЯ ВЛАСТЬ»

(Вновь найденный автограф)

Стихотворение «Мирская власть» («Когда великое свершалось торжество...») — одно из наиболее значительных произведений в лирике Пушкина последних месяцев его жизни — до сих пор известно было лишь в посмертных копиях и печатных текстах. Пушкин при жизни не хотел, не мог или не успел его напечатать, как и большую часть своих лирических произведений 30-х годов¹. После его смерти Жуковский, составляя сборник копий ненапечатанных произведений Пушкина для издания собрания его сочинений, включил в него и «Мирскую власть», но в дополнительные томы посмертного издания 1841 г. стихотворение все же не вошло — очевидно, по цензурным причинам. Копия, сделанная по распоряжению Жуковского², стала основным и единственным источником всех последующих списков и публикаций. Автограф же Пушкина, с которого она была сделана³, не попал, по не известным нам причинам, ни в основной фонд пушкинских рукописей, переданный впоследствии сыном поэта в Румянцевский музей, ни в число тех автографов, которые Жуковский оставил у себя и которые теперь известны под названием «Собрания А. Ф. Онегина», ни в архивы сотрудников Жуковского по изданию посмертного «Современника» — В. Ф. Одоевского и А. А. Краевского, поступившие позднее в Ленинградскую Публичную библиотеку; ни, наконец, в ту значительную группу рукописей поэта, которую П. В. Анненков, первый научный редактор Пушкина, после завершения своего издания в 1857 г. не вернул наследникам поэта и задержал у себя; эта последняя часть, разбившаяся на несколько кусков, образовала так называемые «собрания» Л. Н. Майкова, И. А. Шляпкина, К. К. Романова и других. Автограф «Мирской власти» оставался до недавнего времени в руках потомков Пушкина, но исчез, тем не менее, более чем на сто лет из научного обихода и считался утраченным.

Не понав, по цензурным условиям, в посмертное издание сочинений Пушкина, стихотворение «Мирская власть» еще долго в России оставалось под цензурным запретом или полузапретом. П. В. Анненков не смог его включить в основные томы своего издания 1855 г. и лишь в «Материа-

¹ Дальнейшая история публикации стихотворения показывает, что Пушкин едва ли смог бы напечатать его в цензурных условиях того времени.

² Сборник, бывший в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина — ЛБ, № 2395 — теперь в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук СССР — ПД, фонд 244, опись 8, № 93; копия на листе 783, писарской рукой, как и весь сборник.

³ Этот автограф, ныне обнаруженный и служащий предметом настоящей статьи, носит красную «жандармскую» цифру «6», что показывает, что в момент смерти Пушкина он был в его кабинете.

лах для биографии Пушкина» привел первые шесть его стихов, иллюстрируя ими замечание о том, что «явления жизни начинают представляться мысли его (Пушкина) той стороной, которая чем-либо соприкасается с исторической или религиозной идеей»⁴. Текст, бывший у Анненкова (как показывают сохранившиеся в его бумагах копии⁵ и позднейшая публикация), восходит не к пушкинскому автографу, а к упомянутой выше писарской копии, сделанной по распоряжению Жуковского. Незначительные отступления анненковской копии от этой рукописи объясняются не обращением к автографу, но небрежностью и произволом Анненкова, преимущественно в пунктуации. Вскоре после выхода в свет анненковского издания стихотворение появилось в печати и полностью — но не в России, а в зарубежной русской вольной печати — в герценовской «Полярной звезде»⁶, по списку, полученному Герценом, вероятно, от того же Анненкова, но не очень точному или неточно воспроизведенному в издании⁷. Текст «Полярной звезды» был позднее перепечатан в других зарубежных изданиях, в числе запрещенных в России произведений Пушкина⁸.

Новая попытка Анненкова напечатать стихотворение в VII, дополнительном томе его издания, вышедшем в 1857 г., при сравнительно смягчившихся цензурных условиях, увенчалась лишь частичным успехом, несмотря на «защитное» примечание редактора о том, что «первая мысль этого стихотворения была дана Пушкину, как мы слышали, французской гравюрой из эпохи известного конкордата между Наполеоном I и папой. Гравюра изображала распятие с двумя часовыми из старой гвардии императора»⁹. На основании осторожного доклада И. А. Гончарова стихотворение было разрешено к печати не полностью, но с исключением шести стихов — 12—13 и 19—22, которые, по выражению Гончарова, «обращают на себя внимание смелостью»¹⁰.

В этом урезанном, искаженном цензурой виде и с ошибочной датировкой издания Анненкова стихотворение было перепечатано в «Современнике»¹¹. Через четыре года, в 1861 г., П. А. Ефремов, пользуясь одной из полных копий или текстом «Полярной звезды», напечатал в «Библиографических записках» последние четыре стиха (19—22) стихотворения¹². В том же году Н. В. Гербель поместил все шесть исключенных цензурой стихов в берлинском сборнике стихотворений Пушкина, не входивших в русские подцензурные издания¹³. И лишь в издании сочинений Пуш-

⁴ Сочинения Пушкина, издание П. В. Анненкова, т. I, СПб., 1855, стр. 421—422.

⁵ ПД, ф. 244, оп. 4, № 99, из «собрания Л. Н. Майкова», копия рукой П. В. Анненкова; оп. 6, № 5, из архива П. В. Анненкова, копия неизвестной (писарской) рукой, в сборнике разных произведений Пушкина в прозе и в стихах.

⁶ «Полярная звезда на 1856, издаваемая Искандером», книжка вторая, Лондон, 1856, стр. 21; то же, издание второе, Лондон, 1858, стр. 22.

⁷ Неточно напечатаны стихи 10 («С ружьем и в кивере два грозных часовых») и 15 («Иль покровительством спасать можем»). Эти ошибки перешли и в некоторые известные теперь копии и в некоторые из позднейших изданий — см. Пушкин, акад. издание, т. III, 2, 1949, стр. 1028 и 1268.

⁸ «Русская библиотека», т. I, 1858, стр. 21; «Русская потаенная литература XIX столетия», отдел первый — Стихотворения, часть первая, с предисловием И. Огарева, Лондон, 1861, стр. 32.

⁹ Сочинения Пушкина, издание П. В. Анненкова, т. VII, дополнения, 1857, стр. 49 первой пагинации, без заглавия (которое Анненков, не видевший автографа, считал, повидимому, принадлежащим Жуковскому) и с неверной датой: 1 июня, представляющей, вероятно, опечатку, тогда как в публикации 1855 г. (в «Материалах») дата указана более правильно: 5 июня 1836 г. — хотя и это не вполне верно и не соответствует копии Жуковского.

¹⁰ См. статью П. Е. Щеголева «И. А. Гончаров — цензор Пушкина» в его же сборнике статей «Из жизни и творчества Пушкина», М.—Л., 1931, стр. 363 и 366.

¹¹ «Современник», 1857, т. LXVI, № XII, декабрь, отд. I, стр. 218.

¹² «Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина» — «Библиографические записки», 1861, № 19, стб. 593. Напечатать 12—13-й стихи было, очевидно, и здесь невозможно.

¹³ Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений, дополнение к шести томам петербургского издания, издание Р. Вагнера, Берлин,

кина, редактированном Г. Н. Геннади в 1870 г., стихотворение «Мирская власть» было напечатано полностью, без цензурных изъятий¹⁴. Так закончилась долгая и мучительная история опубликования стихотворения, обличительная сила которого была одинаково ясна и русской реакционной цензуре и великому революционеру-пропагандисту Герцену.

Тем не менее отсутствие автографа и наличие разночтений в основных копиях и публикациях до сих пор не давали полной уверенности ни в точности текста, ни в датировке; особенно серьезное и неразрешимое недоумение вызывала неполнота 5-го стиха («Стояли две жены»), ничем не мотивированная необычная для Пушкина. В пушкинском шестистопном ямбе 30-х годов применяемые лишь в немногих случаях (стихотворения «Из Пиндемонти», «Когда за городом, задумчив, я брожу...») неполные стихи представляют собой строго мотивированные и продуманные концовки, обрывающие размышления поэта и заключающие стихотворение. В данном же случае неполный стих прерывает в середине ритмическое и логическое строение повествовательной части стихотворения.

Недавно обнаруженный в Париже автограф, снимок с которого, полученный через ВОКС Отделением литературы и языка Академии наук СССР, находится в Пушкинском доме¹⁵, позволяет сделать ряд наблюдений — уточнить текст и датировку, устранив ошибки, допущенные в копии Жуковского и в последующих списках и публикациях; разъяснить происхождение неполного 5-го стиха и дать хотя не окончательное, но полное его чтение; наконец, определить место стихотворения в задуманном Пушкиным цикле лирических стихов — раздумий, до сих пор известном лишь фрагментарно.

Вновь найденная рукопись представляет собой беловой автограф, с нанесенными по первоначальному тексту многочисленными поправками, не доведенными до конца. По почерку и по типу автограф входит в группу нескольких известных автографов стихотворений того же времени, т. е. написанных летом 1836 г., — «Отцы-пустынники и жены непорочны...» (ПД, ф. 244, оп. 1, № 954), «Подражание италиянскому» (ПД, № 235), «Из Пиндемонти» (ПД, № 236), «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (ПД, № 238). Как и эти стихотворения, «Мирская власть» перебелена Пушкиным с неизвестной черновой рукописи на отдельном листке. Чтобы уяснить процесс работы поэта над текстом, приведем сначала первоначальный беловой слой его, отметив под строкой лишь предшествующие беловому тексту варианты. Этот первоначальный беловой текст читается так:

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ томилось Божество
Тогда по сторонамъ таинственнаго древа
Марія-грѣшница, и пресвятая дѣва¹⁶
Стояли, блѣдныя, двѣ слабыя жены
Въ неизмѣримую печаль погружены.
Но у подножія теперь креста живаго
Какъ будто у крыльца правитѣля градскаго
Мы зримъ — поставили¹⁷ на мѣсто женъ святыхъ
10 Въ ружьѣ и киверѣ двухъ грозныхъ часовыхъ.
Напрасный караулъ, бессмысленная стража! — —¹⁸
Или разнытіе казенная поклажа

1861, «с предисловием Русского, т. е. Н. В. Гербеля», отдел четвертый — Библиографическая статья о сочинениях Пушкина, стр. 162—163.

¹⁴ Сочинения Пушкина, издание второе под редакцией Г. Н. Геннади, т. 1, 1870, стр. 480.

¹⁵ ПД, ф. 244, оп. 1, № 1747.

¹⁶ Стих начат: Ст<ояли>

¹⁷ а. Стих начат: Мы зримъ — поставлены б. Мы зримъ — поставленныхъ

¹⁸ Стих начат: Къ чем<у>

И вы боитесь воровъ или мышей? —
 Иль мните почестыи польстить Царю Царей? ¹⁹
 Иль опасаетесь чтобъ чернь не оскорбила
 (20) Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила ²⁰
 И чтобъ не потѣснить порядочныхъ господъ
 Пускать не велѣно сюда простой народъ?

5 июля ²¹

Написав этот текст, Пушкин тотчас добавил четыре стиха, пропущенные при переделке, быть может, по ошибке, обозначив крестиком место их вставки после 14-го стиха первоначального текста:

Иль покровительствомъ почтили вы могучимъ
 Владыку ²² терниемъ вѣнчаннаго колючимъ
 Христа, предавшаго кроваву плоть свою
 Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?

Этот законченный беловой текст Пушкин подверг новой переработке ²³. Над первым стихом он вписал (повидимому, одновременно) порядковый номер и заглавие:

IV.

Мирская власть ²⁴

В ст. 2 глагол «томилось» заменен глаголом «кончалось».

В ст. 3 эпитет «таинственнаго» заменен эпитетом «животворяща» — более конкретным и содержательным, вместе с тем более традиционным.

Ст. 5 подвергнут переработке, так и оставшейся незаконченной: сначала вычеркнуты оба эпитета — «блѣдныя» и «слабыя», не удовлетворявшие поэта, вероятно, как недостаточно точные и выразительные, и глагол «Стояли» перенесен к середине стиха, так, что слова: «Стояли двѣ жены» образовывали его вторую половину, после цезуры; затем слово «Стояли» вновь перенесено в начало стиха, но вычеркнутые эпитеты ничем не заменены и стих, таким образом, недоработан.

В ст. 7 эпитет «живаго» заменен эпитетом «честнаго», опять-таки более точным и вместе с тем более традиционным.

В ст. 9 восстановлено зачеркнутое первоначальное чтение: «Мы зримъ — поставленныхъ на мѣсто женъ святыхъ» (причем окончание «хъ» осталось зачеркнутым и не восстановлено, очевидно, по недосмотру Пушкина).

В ст. 11 восклицательная интонация заменена более эмоциональной вопросительной, причем последняя переделана дважды:

а. Къ чему скажите мнѣ безсмысленная стража?

б. Къ чему скажите мнѣ хранительная стража?

Ст. 14 переработан также дважды:

а. Хотите ль почестыи польстить Царю Царей?

б. Иль мните важности придать Царю Царей?

Ст. 15 — то же:

а. Иль покровительствомъ дарите вы могучимъ

б. Иль покровительствомъ спасаете могучимъ

В ст. 17 эпитет к слову «плоть» — усеченное прилагательное «крово-ву» — заменен эпитетом к глаголу — «послушно»:

Христа, предавшаго послушно плоть свою.

Ст. 21 подвергнут также двойной переработке:

¹⁹ Стих начат: Иль мнѣ (возможно, описка)

²⁰ Стих начат: Того, чья злая казнь вселен<ну> <искупила?>

²¹ Юля переправлено из: юня

²² Переправлено из (ошибочного?): Владыки

²³ Для облегчения изложения нумерация стихов дается по окончательному тексту, т. е. соответствующему печатному.

²⁴ Эти слова и цифра надписаны, несомненно, позднее всех остальных поправок.

а. Или чтобъ не тѣснить порядочныхъ господъ

б. И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ

В результате этой переработки отдельных стихов получается следующий текст всего стихотворения:

IV

Мирская власть

Когда великое свершалось торжество
 И в муках на кресте кончалось божество,
 Тогда по сторонам животворяща древа,
 Мария-грешница и пресвятая дева,
 Стояли, [бледные,] две [слабые] жены,
 В неизмеримую печаль погружены.
 Но у подножия теперь креста честного,
 Как будто у крыльца правителя градского,
 Мы зрим поставленных на место жен святых
 10 В ружье и кивере двух грозных часовых.
 К чему, скажите мне, хранительная стража?
 Или распятие — казенная поклажа
 И вы боитесь воров или мышей? —
 Иль мните важности придать царю царей?
 Иль покровительством спасаете могучим
 Владыку, тернием венчанного колючим,
 Христа, предавшего послушно плоть свою
 Бичам мучителей, гвоздям и копию?
 Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
 20 Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
 И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
 Пускать не велево сюда простой народ?

5 июля

Сопоставление этого текста с наиболее авторитетным современным печатным — с текстом, принятым в большом академическом издании сочинений Пушкина ²⁵, — позволяет внести в последний следующие уточнения.

Ст. 1 читается несомненно: «Когда великое свершалось торжество»; чтение некоторых копий и изданий (в частности — малого академического в 10 томах — т. III, 1949, стр. 369): «свершилось» — ошибочно.

Ст. 5, недоработанный Пушкиным, тем не менее правильное печатать так, как показано выше:

Стояли, [бледные,] две [слабые] жены,

а не так, как он печатается теперь:

Стояли две жены,

так как положение этих слов в строке создает ложное представление о законченности краткого стиха; если и не вводить в текст зачеркнутых слов, следует стих во всяком случае печатать с указанием на пропуск:

Стояли <.....> две <.....> жены.

Но зачеркнутые эпитеты, пусть и не удовлетворившие Пушкина, дают необходимое противопоставление двух «бледных, слабых» жен двум «грозным» часовым.

²⁵ Т. III, 1, 1948, стр. 417.

Ст. 9—10, вследствие того, что переписчик Жуковского не разобрал поправок в первом из них и подгонял к ошибочной его редакции чтение ст. 10, везде до сих пор читались искаженно:

Мы зрим — поставлено на место жен святых
В ружье и кивере два грозных часовых.

Автограф дает несомненный текст:

Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.

Подписанная под автографом дата читается, несомненно, как «5 июля», переправленное из «5 июня» (такая ошибка у Пушкина легко объяснима). Дата правильно, как «5 июля», воспроизведена переписчиком Жуковского²⁶, но тем не менее большинство изданий, следуя за Анненковым, вероятно не разобравшим даты в своей собственной копии с копии Жуковского, принимает неверную дату: 5 июня, в том числе и большое академическое²⁷.

Наконец, цифра «IV» в заголовке автографа устанавливает место «Мирской власти» в задуманном Пушкиным лирическом цикле 1836 года.

Этот цикл, на основании таких же цифр, поставленных в заголовках на беловых автографах других стихотворений того же времени, частично уже известен. Новый автограф добавляет еще одно, четвертое звено в разрозненную цепь из шести (или более) стихотворений, входящих в него. Состав и порядок цикла таковы:

I — неизвестно.

II — «Отцы-пустынники и жены непорочны...» («Молитва»); дата — 22 июля <или: июня> 1836 г. (ПД, № 951)²⁸.

III — «(Подражание Итальянскому)» («Как с древа сорвался предатель-ученик...»); дата — 22 июня 1836 г. (ПД, № 235).

IV — «Мирская власть»; дата — 5 июля <1836 г.>.

V — неизвестно.

VI — «Из Пиндемонти» («Недорого ценю я громкие права»); дата: 5 июля <1836 г.> (ПД, № 236).

Как видно, все четыре известных нам стихотворения из шести (или более), составлявших задуманный цикл, написаны или, по крайней мере, обработаны и переписаны набело в июне — июле 1836 г.²⁹ Это было время, когда Пушкин, издатель «Современника», вел упорную борьбу с цензурой за направление и самое существование своего журнала, отбиваясь от нападений своих литературных врагов — Булгарина и Сенковского; время, когда он, писатель, гражданин и глава семьи, все сильнее чувствовал окружающую его ненависть «света», ощущал сжимающееся кольцо клеветы и предательства, все более задыхался в тягостной зависимости от русского самодержавия и вместе с тем — все глубже понимал и отрицал буржуазный строй Западной Европы и лжедемократию Соединенных Штатов Америки; время тяжелых раздумий поэта о своем положении и будущем, об отношении к самодержавной власти и к обществу, о свободе творчества и свободе мысли, стесненных и попранных современным общественным строем. В таких условиях зарождались стихотворения, отразившие в себе, с разных сторон и в разных формах, настроения и раздумья

²⁶ Сборник бывший ЛБ № 2395, ныне ПД, ф. 244, оп. 8, № 93, л. 783; см. выше.

²⁷ Акад. издание, т. III, 2, 1949, стр. 1028 и 1268.

²⁸ Начертание в автографе (ПД, № 951) неясно, но читается скорее как «июля», что принято и академическим изданием. Замечание последнего (т. III, 2, 1949, стр. 1033), что цифра «22» переделана из «12», — едва ли справедливо. Цифра «II» в академическом издании не отмечена.

²⁹ Применяем термин «цикл» условно, не предприняв вопроса о его внутреннем единстве, лишь в смысле ряда стихотворений, объединенных для печати, но не имеющих, однако, общих тематических признаков, как «Подражания Корану» или «Песни западных славян».

поэта и объединенные им для публикации в своего рода если не тематический, то смысловой цикл.

Три из них облечены в традиционные формы церковно-религиозной тематики — евангельской легенды и христианской молитвы, что давало основания буржуазным биографам Пушкина говорить о якобы глубокой и искренней религиозности поэта в конце его жизни. Эти биографы и комментаторы не хотели и не могли понять, что Пушкин, оставаясь всегда материалистом и атеистом, использовал традиционные евангельские образы и молитвенные формы для воплощения глубоко волновавших его, вовсе не религиозных, но морально-общественных тем, так, как он это сделал однажды в «Подражаниях Корану». Такими темами являются: осуждение предательства, как тягчайшего преступления, в «Подражании Итальянскому»³⁰; выражение некоторых этических требований, находящихся в непримиримом противоречии с моралью дворянского общества («Отцы-пустынники и жены непорочны...»); негодующий протест против грубого вмешательства военно-полицейской силы во внутренний мир человека и — еще более — протест против отрицания со стороны самодержавной власти человеческих прав «простого народа» («Мирская власть»). Наконец, в четвертом известном нам стихотворении цикла — «Из Пиндемонти» проводится прямо и неприкрыто, в публицистических терминах, мысль о неприемлемости обеих форм угнетения — и монархического самовластия и буржуазного парламентаризма — для свободного развития творческой личности. В таком аспекте, думается нам, и в сопоставлении с общими условиями, в которых жил и творил поэт в конце своей жизни, намеченный им цикл имеет не только формальное значение редакционного объединения для печати, но приобретает и известную внутреннюю цельность.

Но цикл неполон: двух стихотворений в нем не хватает, два места — I и V — остаются пустыми. О заполнении их можно высказать некоторые предположения, исходя из тематики цикла и состава современных ему, окружающих его стихотворений. Нам представляется, что из последних наиболее подходящими являются два: «Когда за городом, задумчив, я брожу...» и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». По времени написания они очень близки к четырем стихотворениям цикла: первое помечено в рукописи 14 августа, второе — 21 августа 1836 г.³¹ Темы и формы обоих также позволяют сблизить их с другими четырьмя. Оба они выражают глубоко личное раздумье поэта о себе и своей судьбе, раздумье, имеющее вместе с тем и широкое общественное значение. Первое — «Когда за городом, задумчив, я брожу...» — представляет собой не только и не столько раздумье о смерти, сколько противопоставление духовной свободы и правды народа (сельского кладбища) — лжи, лицемерию и пошлости господствующих классов (городскому кладбищу) — тему, в разных формах проходящую через все зрелое творчество поэта, начиная с «Кавказского пленника» и «Цыган» до таких произведений интимной лирики 30-х годов, как «Не дай мне бог сойти с ума...» (1833?) и «Пора, мой друг, пора...» (1834?). Второе стихотворение — «Я памятник себе воздвиг...» — устанавливает права поэта на величие и бессмертие, на любовь и приватность народа и вместе с тем — право на свободу и независимость творчества от внешних, враждебных сил. В этом оно совпадает с мыслями стихотворения «Из Пиндемонти».

Что касается формы, то стихотворение «Когда за городом, задумчив, я брожу...» написано тем же александрийским стихом (шестистопным ямбом с парной рифмовкой и с цезурой после третьей стопы), каким написаны и четыре известных стихотворения цикла, стихом, особенно из-

³⁰ Ср. ту же тему в стихотворениях «Коварность», «Желание славы», «Воспоминание» (вторая часть) и других.

³¹ См. акад. издание, т. III, 2, стр. 1033 и 1035.

любленным Пушкиным в 30-е годы. Второе стихотворение — «Я памятник себе воздвиг...» написано на основе того же шестистопного ямба, но в строфической форме с перекрестной рифмовкой и с усеченным четвертым стихом каждой строфы. Форма эта, однако, диктовалась Пушкину одической, горацянско-державинской традицией стихотворения. Можно предположить, что — как декларативная ода — стихотворение должно было открывать собой цикл, т. е. занять в нем «I» место. В таком случае стихотворение «Когда за городом...» заняло бы пустующее «V» место — если, конечно, не предполагалось продолжения цикла и если вообще наши предположения правильны. Отсутствие римских цифр в заголовках на перебеленных рукописях этих стихотворений (ПД, № 238 и ПД, № 846, бывш. ЛБ, № 2384, л. 57.) может быть объяснено тем, что самые тексты их не были доработаны и нуждались в новой переделке³².

Таков этот — глобально содержательный в идейном отношении — цикл, частью нам известный, частью гипотетический, куда должно было, по замыслу Пушкина, войти стихотворение «Мирская власть». Можно думать, что он готовил этот цикл для одного из следующих томов «Современника», который хотел продолжать в 1837 г.³³ Едва ли, однако, это ему удалось: мы знаем, что после смерти Пушкина лишь два из шести стихотворений (II и III) были беспрепятственно напечатаны; одно — «Я памятник себе воздвиг...» — подверглось жестокой цензурной «обработке» Жуковского и в этом искаженном виде печаталось до 1881 г. (и было частично высечено на московском памятнике поэту). Три других увидели свет лишь много позднее, в изменившихся цензурных условиях 60—70-х годов, причем два из них, политически наиболее острые — «Из Пиндемонти» и «Мирская власть» — напечатаны были полностью впервые Герценом в «Полярной звезде». Можно думать поэтому, что напечатать эти стихотворения в «Современнике», привлекавшем сугубо подозрительное и строгое внимание цензуры, Пушкин никак не смог бы, хотя бы этого и добивался.

Нерешенным до сих пор остается вопрос о непосредственном поводе, вызвавшем создание стихотворения «Мирская власть» — о том, где и как видел Пушкин возмутившую его картину распятия под стражей «двух грозных часовых». Приведенное выше указание Анненкова в издании 1857 г. на гравюру эпохи конкордата представляет собой, конечно, лишь цензурную уловку: трудно думать, чтобы гравюра 1804 г. могла вызвать со стороны Пушкина такой взволнованный отклик. Н. В. Гербель в берлинском издании 1861 г. (см. выше), приведя не печатавшиеся до тех пор в России стихи из «Мирской власти», дал другое объяснение: «Стихи написаны по тому случаю, что на выставке около картины Брюллова, изображавшей распятие, были поставлены часовые, для предупреждения тесноты от толпы». Откуда почерпнуто это объяснение — неизвестно. Но картина К. П. Брюллова, о которой идет речь, по имеющимся данным, в 1836 г. не только не выставлялась публично, но не была еще и написана; сам Брюллов всю первую половину 1836 г. прожил в Москве, где с ним в мае часто встречался Пушкин. В письмах к жене поэт много говорит о Брюллове, о его картине «Взятие Рима Гензерихом», но не упоминает о

³² В автографах всех четырех известных стихотворений цикла порядковые номера (II — «Отцы-пустытники...», III — «Подражание италиянскому», IV — «Мирская власть», VI — «Из Пиндемонти») поставлены после переделки и обработки рукописи (сомнения вызывает лишь «Из Пиндемонти», где цифра «VI» поставлена, кажется, при самой переделке). Это показывает, что порядок цикла устанавливался тогда, когда все стихотворения его были готовы.

³³ Существует, впрочем, еще другой список стихотворений, заготовленный Пушкиным, вероятно, также для «Современника» и составленный в сентябре — декабре 1836 г. В него входят три стихотворения из состава нашего цикла: «Кладбище» («Когда за городом...»), «Молитва» («Отцы-пустытники...») и «Не дорого ценю...» См. «Рукою Пушкина», под редакцией М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, М. — Л., 1935, стр. 285, № 12. Его составление, быть может, показывает, что Пушкин в конце 1836 г. отказался от предполагавшегося цикла и разбил его.

«Распятие». Последняя картина могла стать известной Пушкину зимой 1836/37 г. в эскизах, но закончена была уже после его смерти, в 1838 г. И так, объяснение Гербеля отпадает. Со своей стороны, П. А. Вяземский, просматривая второе издание гербелевского сборника 1870 г., отметил, что «Мирская власть», «вероятно, написана потому, что в страстную пятницу в Казанском соборе стоят солдаты на часах у плащаницы»³⁴. Такое объяснение, да еще предложенное близко знавшим и Пушкина и Брюллова Вяземским, было бы очень вероятно (тем более, что столкновение «простого народа» и «гуляющих господ» именно в церкви весьма естественно), но распятие и плащаница — не одно и то же, и Пушкин, всегда точный в изображении реальной обстановки своих произведений, не мог бы так свободно этим пренебречь³⁵.

Вопрос требует дополнительных изысканий и остается открытым. Но как бы то ни было, — большой общественный смысл стихотворения, его политическая острота, его демократическая направленность — вне сомнений. И Герцен, который, по словам Ленина, «первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*» (т. 18, стр. 15), печатая «Мирскую власть» в «Полярной звезде», справедливо увидел в религиозном по форме стихотворении Пушкина его подлинную сущность — гневный протест против бесчеловечной и антинародной власти русского самодержавия.

³⁴ «Старина и новизна», кн. VIII, 1904, стр. 39.

³⁵ См. комментарии Н. О. Лернера к стихотворению «Мирская власть» в Сочинениях Пушкина, изд. Брокгауза и Ефрона под редакцией С. А. Венгерова, т. VI, 1915, стр. 490—491, и его же заметку «К истории «Мирской власти» («Пушкинологические этюды», XXII) в сборнике «Звенья», т. V, М.—Л., 1935, стр. 186—187, а также монографию О. Лясковской «Карл Брюллов», М.—Л., изд-во «Искусство», 1940, стр. 72—74, 80, 81, 90, 91, и 167 (№ 156).